

СЛОВА ВНУШАЮТ СТРАХ: ТЕРРОР И/ИЛИ ВОЙНА

Л.И. Кирсанова

ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
690014, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Различие терроризма и войны в философии не вполне устоялось. Мы предлагаем для характеристики того содержания, которое мыслится как терроризм и/или война, использовать следующие критерии: социальные места, средства производства (оружие), способы коммуникации и коллективные тела. Место – это не ландшафт того, что мы именуем как «архе» – отечество, родина, которое создаёт алиби дискурса войны, тогда как терроризм – это номадическое пространство. К средствам войны, как и терроризма относится всё то, что приводит в действие мощь силы и огня. Винтовка создаёт солдата. Именующееся в наличии количество вооружений про- давливает его использование. Средства коммуникации – это способы легитимации террористического дискурса: объявление факта насилия терактом даже в случае, когда его причина неизвестна. Война же прерывает коммуникацию. Терракт и его последствия приводят в соприкосновение разные общественные тела: аффектированную телесность террориста (смертника и др.) и уравновешенную дисциплинированную телесность европейского человека. Аналитика телесных практик открывает нам бунтующие, перверсивные, аффектированные тела, а также тела дисциплины, послушания, то есть субъектные, суверенные тела.

Оставаясь включённым в общее поле террористической агрессии, покушения и предчувствия войн, эмпирический субъект способен достичь отрешённости посредством способов дистанцирования (Г. Гадамер), создания разрыва или зазора между познаваемым объектом и познающим субъектом. Нельзя отрицать, что в современной философии исследование терроризма и войны рассматривается в контексте философии власти, феноменов массового сознания, отчуждения индивида от форм всякой социальности и общей коммуникации. Автор, опираясь на понимание современной ситуации в мире как покушения (Ж. Бодрийяр), за которое кто-то должен ответить, что допускает способ объективного вменения вины. Методологически важным явилось различение между человеком-zoe и человеком-bios (Д. Азанбен), что позволило авторам различить аффективные тела терроризма и суверенную телесность западного человека. Результатом исследования явилась разработанная автором методология разтождествления войны и терроризма, обоснование критериев их различения.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, война, дискурсы войны и терроризма.

Нефилософы, как правило, не интересуются подробностями различия войны и террора, им всё ясно: это суть одно – смерть, насилие, несправедливость, боль, отчаяние и др. Неблагодарное назначение философа состоит в том, чтобы доходить во всём до концепции, сколь бы травматичным это ни было. Так определил свою задачу Ален Бадью, назвав статью «Философские соображения по поводу нескольких недавних событий», где речь шла о терактах 11 сентября в США [1]. Прежде чем рассуждать о фактах «горячей истории» (Франция, Париж – 2015, Россия, сбитый её гражданский самолёт) надо задуматься в то, являющийся ли эти события повторением или это что-то другое, затем придётся терпеливо допытываться, что лежит в их истоке, каковы причины, будет ли продолжение.

Вначале попытаемся суммировать те определения терроризма, которые предложил французский мыслитель. Он отметил, что имя «терроризм» имеет три функции:

– терроризм определяет субъекта, того, в кого нацелен теракт, того, кто поражен, ввергнут в траур, и потому должен отомстить, ответив ударом на удар. Французский президент выразил своё отношение в форме простого глагола-связки: мы пребываем в состоянии войны, призванной утвердить существование того ужасного состояния, в котором пребывают французы, а с ними и все европейцы, – война. Президент России выразил свой гнев в плане будущности, возможности или предположения какого-то сверхсильного ответа: месть будет ужасной. Различие состоит в том, что меланхолическая констатация Ф. Оланда – это война, не отменима, ибо она утверждает состояние войны, тогда как предположение о будущем (ответ В.В. Путина) допускает отступление, критику, короче, будущая месть может быть не только отложена, но и опровергнута. Никто, я думаю, не станет оспаривать различие декартианского дискурса Ф. Оланда и мифологического дискурса российского президента, ибо таковы свойства мен-

тальности тех народов, которые репрезентируют их лидеры;

– словом «терроризм» государство обозначает любого необузданного и/или вооружённого противника, как раз по причине его негосударственного характера. Систематически использовать вооружённые силы против другого государства имеет право только государство, в таком случае оно объявляет состояние войны через обмен нотами с помощью министров иностранных дел. Поэтому терроризм, по Бадью, это не война, а насильственное действие негосударственного характера, в отношении которого применяют такие формы, как антитеррористическая или контртеррористическая операция, полицейская операция, применение сил поддержания порядка и др. Именно такие слова использовал российский президент для обозначения операции в Чечне, ни одного раза он не говорил о войне. Чеченская война – это журналистский слоган, но не государственный и не политический.

Бадью считает существенным переход от террористического действия (прилагательного террористический) к существительному терроризм, это тот случай, когда форма скрытым образом становится сущностью. Ход мысли вполне очевиден для французского дискурса: переход осмысления по линии прилагательное – существительное – от прилагательного террористический к существительному терроризм. Попробуем с этим тезисом теоретически поработать: употребление прилагательного террористический допускает его привязку к таким существительным как террористическое действие (которому корреспондирует просто агрессивное), то есть оно лишь усиливает значение вполне обычного акта агрессии. В случае уличной ссоры между представителями разных национальностей, невозможно различить, когда это просто акт агрессии, а когда терроризм.

Возникающую двусмысленность словопотребления – террористическое действие вместо случайного аффекта, временного ожесточения, безразличия к возможным последствиям и тому подоб-

ное, необходимо устранить по психологическим, политическим и юридическим мотивам. Когда любое агрессивное действие можно именовать как террористическое, у человека возникает беспокойство, ощущение того, что определение применяют неправильно, слово «террористический» является чрезмерно «сильным» в отношении самого действия. К сожалению, такие «взбадривающие» прилагательные, как «террористический», довольно быстро изнашиваются от чрезмерного употребления, их начинают прилагать ко всему, чем открывается простор для объективного вменения со стороны правоприменительных органов.

В этом словоупотреблении официальная риторика является более сдержанной, чем журналистская, однако до полного выздоровления далеко, когда общество поражено страхами, тревогой за свою жизнь и жизнь своих детей и близких. Одним из приемов, которые используют террористы, является абсолютизация «случайной жертвы», что делает теракт чем-то вроде природной катастрофы или несчастного случая. Неизбежно возникающий инфантильный фатализм парализует способность «жертв» сопротивляться, давать отпор, проявлять солидарность. Разумеется, болезнь не зашла слишком далеко, обзор прессы и телевидения по итогам терактов в Париже показывает, что люди проявили великолепные образцы сотрудничества, единодушия, мужества.

Замена прилагательного «террористический» на существительное «терроризм» означает субстантивирование того содержания, которое становится чрезмерно важным, сверхценным. Перед лицом терроризма (форма скрытым образом становится сущностью) возможно конституировать некое мыслящее себя «Мы», как это произошло с французами («Мы все – Шарли Эбдо» или еще проще «Мы все – Шарли...»). Когда вместо формы единственного числа – «я могу стать жертвой теракта» появляется представление о множественности (единая Европа, европейские народы и т.п.) возникает ощущение могущества, эйфория множе-

ственности, бесконечности и неделимости массовидного тела, чувство бессмертия («всех не убьешь»).

Это тот редкий случай, когда европейское «я», маленькое и жалкое перед лицом безликого, безъязыкового варвара (исламиста) замещается грамматической множественностью – МЫ. В именовании Мы достигается эффект инаковости – Они не Мы, этот терроризм для нас Другой – исламский варвар (выражение Бадью). Заметим, что Европа имела свой собственный терроризм – итальянский («Красные бригады»), немецкий, французский маоизм в духе Кон Бендита и др. Однако сегодня эту историческую форму европейского экстремизма никто не ставит в одну связь с современным терроризмом. Бадью рассуждает далее: терроризм – это несуществующая субстанция, пустое слово. Но эта пустота драгоценна, поскольку её можно заполнить.

Совершенно строгое философское высказывание звучит так: всякая субстантивация формального прилагательного требует господствующего предиката. Сегодня предполагаемый субстанциональный носитель того, что называется «терроризмом» не может не получить предиката «исламский», что сводится к констатации того факта, что имеет место политическая инструментовка религии. Бадью предупреждает: когда инструментуется религия, товар субъективный и крайне непослушный в руках хитрых и жестоких политиков, людям следует быть крайне осторожными;

– обратимся к символическому регистру терроризма. Теракт как символ представляет собой послание, объявление о чем-то, демонстрацию. Совершенно очевидно, что некоторые теракты являются простым сообщением: просто знайте, мы есть, другие же содержат более развёрнутое сообщение. Теракт не прерывает коммуникацию, стороны продолжают обмениваться транзакциями, какими бы ужасными они не были. В символическом обмене коммуницируют истинные устремления, ценности, смыслы, то есть террор имеет отношение к нравственности. Либеральная точка зре-

ния, имеющая хождение во французской литературе, публицистике, философии состоит в следующем: проблема голоса и его отсутствия – вот маршрут, по которому может пролегать мысль (Софи Ваниш) [2]. Разберёмся с аргументами: западное общество, слишком благополучное, комфортное, заключает себя в понятие «МОЁ бытие...как бытие другого», а потому не может видеть себя адресатом иного послания (исламистского). Оно видит это послание как препятствие, а себя как мишень, как то, во что нацелены эти другие (исламские варвары) с целью разрушения и уничтожения. Для решения моральных задач защиты «своего» против «чужого» Запад активно использует факты разрушения варварами того, что является его культурным кодом – драгоценные развалины, христианские святыни. Вслед за Дж. Агамбенем заметим, что именование «террорист» включает в себя дисквалификацию всех тех, кто отождествляет себя с исламом, всех тех, кто угрожает, всех тех, кто вооружён, всех тех, кто хотя бы на них походит.

«У древних греков не было одного слова для обозначения того, что мы обычно имеем в виду, когда говорим «жизнь». Они пользовались двумя словами, восходящими к одному этимону, но различными семантически и морфологически: ZOE, означающее сам факт жизни, общий для всех живых существ (будь то животные, люди или боги), и BIOS, государственный, точнее, общественный образ жизни. В античном мире простая природная жизнь исключена из POLIS как такового и в качестве жизни чисто репродуктивной чётко ограничена пространством OIKOS (дом, жилище). Исходя из этого разделения, можно допустить, что мигрант – это тот, кто исключен из полиса, хотя бы его ZOE ничто не угрожает. Его определение – тот, кто исключён» [3].

Террорист – это приём политического и юридического исключения, к которому охотно прибегают все западные демократии ввиду «невыносимой опасности». Неразрешимой становится проблема, как превратить возмездие в правосудие. Все страны традиционной западной

демократии позиционируют себя как правовые, что предполагает не только предъявление факта преступления, но и признание вины, тогда как возмездие отменяет вопрос о субъективизации действия, допускает наказание без вины.

Разберёмся с аргументом: право на речь, которое, как минимум, предполагает два регистра: то, что говорит, за словами так или иначе присутствуют вещи, и того, кто говорит. Общая всем нам современная мифология утверждает, что слова и вещи разошлись: демократия для восточного мира не предполагает национальную независимость, а права человека не коррелируют с правом распоряжаться ресурсами собственной страны и проч. Все верно, однако, под мифом всегда таится альтернативная правда. Миф говорит правду, обоснованию этого тезиса Р. Барт посвятил книгу «Мифологии». «Миф не отрицает вещей, наоборот – его функция – говорить о них, но он очищает их, делает безобидными, находит им обоснование в вечной и неизменной природе, придает им ясность констатации факта» [4].

Поверхность англосаксонской мифологии – права человека, она не скрывает того факта, что речь идет о правах белого человека, мужчины и собственника, истина заключается в праве сильного брать то, что ему не принадлежит. Сколько бы словесная риторика не маскировала реальность все новыми покровами из никчёмных и пустых слов, в известный момент сознание людей начинает противиться лжи, распознавать «другую» правду. Исламский мир артикулирует себя из места, где есть нефть, и весомость этого «слова» такова, что оно отменяет все иные аргументы: идёт война за ресурсы. Вторая сторона права на речь предполагает ответ на вопрос, кто говорит. Кто говорит? Необходимо понимать, что ценность аргументации, опора на доказательства, умение держать тезис являются ценностями западного мира наряду с истиной, красотой, благом.

В основе христианской цивилизации стоят апостол Павел, Ориген, Августин, Аквинат, а обоснование себя, самообо-

снование является принципом политической и социальной жизни западного мира. Ислам аргументирует аффектами: чрезмерное насилие, молчаливое ожесточение, безразличие к мукам как чужим, так и своим, приверженность к огню и разрушениям, ненависть, отчаяние, зависть и проч. Делёз, знаток спинозистской этики, располагает причины аффектов вне индивидуальности, из-за чего наша способность к могуществу над своими желаниями уменьшается или вообще блокируется. «Нужно провести различие между двумя типами аффектов: действиями, объясняемыми природой, испытывавшей воздействие индивидуальности и вытекающими из её сущности, и страданиями, берущими своё начало вне индивидуального. Способность к действию наполнена активными аффектами. Способность испытывать воздействие наполнена страданиями, пассивными аффектами. «Мрачные состояния» (пассивные аффекты) представляют самую низкую ступень нашего могущества: тот момент, когда мы более всего отделены от нашей способности к действию, когда мы более всего отчуждены, отданы фантомам суеверия и мистификациям...» [5].

Аффекты как пассивные состояния, имеющие внешнюю причину, всегда равнозначны бессилию, тогда как речь и действие в соответствии со словом принадлежат к свободным и активным состояниям, потому что основываются на познании себя, вещей, идей и т.д. Можно предположить, что человек существует как бы в двух потоках: в непрерывном потоке аффектов, страстей, другой же поток связан с рациональностью, необходимостью определений, разыскиванием доказательств, формулированием и артикуляцией сложных идей. Поэтому правом на речь недостаточно просто наделять, это право нужно присвоить, субъективировать, в отношении исламского мира это более чем необходимо, учитывая традиционную слабость исламского богословия, за исключением суфизма.

Богословские трактаты служат не столько целям обоснования веры (это дело богословов), сколько задачам са-

мообоснования верующих. Очень может быть, что попытки говорить из места верующего исламиста сегодня кажутся нам неуклюжими. Не забыть бы нам притчи: в Ассизском монастыре у одного монаха был ужасный акцент, отдававший его родной Калабрией. Монахи смеялись над ним. Он был чувствителен и перестал разговаривать, если только не надо было предупредить о чём-то непредвиденном, о несчастье, о каком-то событии, которое достаточно важно само по себе, чтобы его акцент мог пройти незамеченным. Между тем он любил поговорить: случилось, он сам придумывал катастрофы. И поскольку он был искренен, ему удавалось их вызывать (6, с. 64).

Терроризм и война, какие войны мы ведём, можно ли говорить о войне или её следует отрицать, одно и то же война и вооружённая операция, вооружённый конфликт? Можно ли называть войной событие, которое ставит нас под угрозу смерти? Но тогда под это определение подойдут природные катастрофы, наводнение, цунами, смерчи и просто несчастные случаи. Для того чтобы рассуждать о войне и её отличии от терроризма, необходимо задать критерии, которые позволяют определить понятие в строгом, а не расширительном или метафорическом смысле. Предлагаем для характеристики войны использовать следующие критерии: места, средства производства (оружие), средства коммуникации и коллективные тела.

Место – это не просто место, где применяют оружие, это подходящее место, которое гарантирует правомерность использования вооружений, а следовательно, алиби присутствия военных, а также устойчивость политического и государственного дискурса. Ясно, что капитал наиболее достоверен на фабрике и в банке, рабочий – у станка, а воин – на своей земле, где он защищает отечество. Подлинная война – отечественная, в которой народ как полное целое, а не этносы, классы или элиты борются за выживание.

В слове война имеется оппозиция: единое и партикулярное. Война – это «архе», то единое, что наличествует для

«всех» данного народа, для всех без исключения, война, в которой возникает такая форма связности всех со всеми, которую называют одна судьба и даже участь. Партикулярное относится к области того, что может дробиться, распаться на множественности – этнические, классовые, социальные, религиозные и т.д., когда народ не осознаёт себя как политическое и государственное целое, а потому в событии войны пребывать не может. Российское государство и его вооружённые силы могут находиться в состоянии вооружённого конфликта в Сирии, например, или где-то ещё, но народ как «архе», как первоэлемент и первопричина единого не может быть первым событием войны. Верность событию, пребывание в его истине, причастность к нему, присутствие в бытии допускает как рациональные, так и интуитивные моменты, что указывает только на степень зрелости этого целого, но не на его отсутствие. Когда возникает нужда в едином, общем всем деле – русские четыре дня на всех радио и телеканалах читают «Войну и мир» Л. Толстого.

В отличие от войны как «архе» терроризм, как и контртеррористические операции, составляют часть политики западного, российского и китайского миров, являются продолжением современной науки и технологий, вписываются в систему «двойных» стандартов морали. Акт терроризма подчиняется схеме причинно-следственных связей, которыми пользуется разум, никакого провала в бытии или изъяна в способности мыслить не производит. Терроризм – это отражение нашей способности познавать мир, воздействовать на мировые процессы, подчинять своим интересам. Исторически сложилось так, что Европа и Америка раньше других народов и за их счёт обеспечили себе богатое, комфортное существование, назвав себя центром цивилизованного мира.

Не удивительно, что на его периферии возникли анклавные «нецивилизованного» существования – Ирак, Афганистан, Сирия, Ливан и другие. Это те, которые сегодня разными методами – террориз-

мом, миграцией, созданием «исламского» государства – пытаются прорвать пояс цивилизации. Внутри европейского замкнутого пространства комфорта и благополучия такое проникновение «аномальных» индивидов рассматривается «правыми» как что-то неразумное и нетерпимое, а либералами как возможность осуществить цивилизационную миссию.

В течение небольшого отрезка времени наблюдается сдвиг значений у либералистов: сначала под миссией понимали образование, профессиональные школы для мигрантов, социальные пособия, цивилизационные преимущества. Сегодня же это просеивание миграционной среды полицейскими методами, кордоны, создание мест удержания и контроля и проч. Более того, раздаются голоса европолитиков, встречающих всё большее сочувствие у обывателей, о намерении отодвинуть границы «девиации» до Турции и Африки. Это означает, что замечательная западная «машинка» разума либо сломалась, либо существенно повреждена. Кто-то другой как «чёрный демон» приходит в дом европейца, занимает его место на заправке, в супермаркете, на улице, в баре, что квалифицируется как порча, как покушение на европейские ценности. Слово-манна «европейские ценности» не действует на представителей тела-зое.

Практики заклинания, умиротворения и умилоствления вызывают у мигрантов прямо противоположные эффекты – ненависть, зависть, агрессию, злобу. Необходимо обратиться к критерию телесности, чтобы понять разницу между теми общественными телами, которые вошли в соприкосновение. Разум западного человека с помощью технологий машинизирует общественное тело, приучает его к послушанию и порядку. Работа М. Фуко «Надзирать и наказывать» о тотализирующих практиках власти через школу, больницу, тюрьму, армию считана с западной ментальности. Следует различать «политические технологии» в рамках некоей науки о полиции, при помощи которой государство

присваивает и включает в себя заботу о природной жизни индивидов и «технологии себя». Через них осуществляется процесс субъективации, подчинения, приводящий к тому, что индивид оказывается связанным собственной идентичностью и собственным сознанием и одновременно подчинённый внешнему контролю [7].

Исламское общественное теловосприятие техники цивилизации как внешние по отношению к себе, как абстрактные, нарушающие их биологическую и религиозную схемы тела. Здесь уместно вспомнить о различии дионисийской и аполлонической телесности, попытке, которую предпринял Ницше задолго до того, когда произошло нынешнее цивилизационное столкновение. Всякое общественное тело представляет собой поле битвы между телом-ZOE и социальным телом, с той лишь разницей, что в одних преобладает порыв стихийных сил, связанных с биологической природой человека (аффекты, страсти, согласно Спинозе), в других – сил порядка, дисциплины и формы. Дионисийство – это стихия, имеющая место быть, которую человек способен укротить либо внешним деянием (пятикратный намаз), или внутренне переработать в форме мировоззрения и морали.

Почему террор, почему оружие? Винтовка рождает человека? В оружии как таковом опредмечена «битва» материалов: биологический материал (человек) производит не-человеческое – сталь и огонь, то есть он сам становится средством господства и разрушения. Оружие как средство тотального разрушения (война как поле дионисийства – эта идея принадлежит Эрнсту Юнгера [8]) овладевает дионисийскими силами, совпадает с ними до полного слияния. Овладеть «механической смертью» – винтовкой, автоматом гораздо проще, чем любым другим орудием – трактором, станком или даже плугом. Аффектированные общественные тела соединяются с разрушительной силой оружия и действуют как единая мощь стали и огня. Апостол Павел сравнивает веру с делом (молит-

ва и труд – однопорядковые явления), любовь – с тяжёлой работой, трудом, тяготами. Молитва, как и труд, отсылает к стойкости, упорству, терпению. Теракт – мгновенное, формальное действие: бах – и ты на небе.

Воины аллаха – обычное словосочетание, но нет ли здесь противоречия? Воин, который превращён в инструмент воли Другого, способен только в внешнему подчинению, он не господин самому себе, а раб веры. Вот как, например, излагает дзэнское послушание Т. Судзюки: «Когда наносится удар по кремню, из него высекается искра, и между этими событиями нет никакого временного разрыва. Если приказано: Направо!, надо сразу же со скоростью молнии, повернуться направо. Если выкрикивается чьё-то имя, например, «Уэмон» следует просто ответить «Я», а не задумываться, почему выкрикнули именно твоё имя» (9, с. 50). В соответствии с этим подходом можно предположить, что воин аллаха не выступает как личность, он полностью аффектирован другим, он ни в коем случае не сам, но меч разящий.

Террор и покушение, еще одна понятийная связка, которая позволит нам определить терроризм как экзистенциальное переживание. Атмосфера жизни современного западного человека, как и россиянина – это Покушение, мы проживаем под знаком того, что на нас покушаются. «Малейший беспорядок, катастрофа, землетрясение, рухнувший дом, непогода – всё это тоже покушение. Поэтому не столь интересен рост вредительства, терроризма, бандитизма, сколько тот факт, что всё происходящее интерпретируют как покушение. Природа и политические действия слились в одну категорию: покушение. В рациональной системе так и должно быть: всякая, любая случайность должна быть отнесена только на счёт чьей-то человеческой воли, а потому любая неполадка расценивается как порча или, в политическом контексте, как покушение на общественный порядок. Некоторые политические группы только тем и занимаются, что берут на себя ответственность за тот или

иной несчастный случай или террористический акт, происхождение которого неизвестно, в этом состоит «вся их практика» – превращать случай в подрывную деятельность» [10].

Террор отличается от цунами, наводнения, землетрясения и других чрезвычайных явлений тем, что природные и техногенные катастрофы не выходят за порядок «несчастливого случая», за который никто не отвечает. Даже разлив нефти из танкера только условно является «виновным», потому что за аварией стоят силы моря, стихии, предустановленные дефекты технических средств и проч. Покушение – это результат чьего-то злого умысла, это чьё-то вредительство, а значит – за это кто-то должен ответить. Необходимость ответить вызывает фигуру «возмездия», которая способна призвать силы Ада на голову врагов.

Ситуация Войны и Покушения различаются. Война предполагает врага, который пространственно локализован, отделён от нас государственной границей, с ним прерваны публичная коммуникация, более того – противная сторона артикулирует себя как врага, распространяет ноты протеста, угрожает и проч. Каждая из сторон обозначает себя из места нации, народа, государства. «Исламское государство» – это перверсивное место, оно безместное, номадическое, кочевое. Безместность, кочевничество того, кто покушается, делают его неопознаваемым, а потому более опасным, чем все прежние враги (известно, где Америка, Германия, а где исламское государство, не знает никто). Тот, кто покушается пространственно, не локализован, он не имеет места, точнее, он – везде, в каждой точке общественного пространства может обнаружить себя самым неожиданным образом. Без опространствливания, без территориализации «потенциальные жертвы» пребывают в состоянии паранойяльного страха,

теракт может произойти в любой точке мира, в любое время, его нельзя предвидеть и спастись.

Войны так не ведут: в войне ясно, где свои, а где – чужие, именно поэтому терроризм – не война. Большое значение имеет символический регистр терроризма, без артикуляции, которая всегда задерживается по отношению к факту (гибель российского самолёта и объявление теракта отстояли во времени) люди пребывают в страхе, тревоге, в опасности. Именование приносит облегчение, несмотря на трагический регистр значений – количество погибших и раненых, средства взрыва и др. Имя того, кто покушается, обладает свойством демонической оборачиваемости: вчера это был владелец кафе или служащий аэропорта, а сегодня – террорист, значит покушаются...все и никто. Внезапно, одним скачком возникает враг, и «воин» автоматически выполняет функцию устранения. Сформировалась новая субъективность, которая ставит под вопрос возможность отклика на призыв другого. Допустимо ли окликнуть исламиста: «кто ты?» Можно ли получить ответ от того, кто не включен в регистр того, кто откликается. Поясню: «Авраам?» – «Вот – я», отклик возможен только потому, что вера его велика есть, потому что он знает Бога.

Террористическая телесная машина – это не исламское религиозное тело, как можно предположить, это гештальт. Целое гештальта, как показал Юнгер на примере рабочего, не состоит из совокупности частей, это есть нечто трансцендентное по отношению к отдельному исламисту, к массе исламского народа и даже мусульманской телесности. Общественное тело исламиста – это гештальт, который безразличен в отношении тел, посредством которых он себя конституирует – англичанин, француз, русский, араб, только органы этого жестокого и беспощадного механизма.

Список литературы:

1. Бадью А. Философские соображения по поводу нескольких недавних событий // Критическая масса. 2002. №1 <http://magazines.russ.ru/km/2002/1/bad.html>.
2. Ваниш С. Революционный террор и терроризм. Мир в войне: победители/побежденные. М.: Фонд научных исследований. Прагматика культуры, 2003. 203 с.
3. Агамбен Дж. НОМО SACER. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.
4. Барт Р. Миф сегодня. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С.72–130.
5. Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЭР СЕ, 2000. 351 с.
6. Полани Ж. Тарбские цветы или террор изящной словесности. СПб, Наука, 2000. 336 с.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Пер. с франц. М. Касталь. 1996. 446 с.
8. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. Пер.с нем. А.В. Михайловского. СПб.: Наука. 2000. 544 с.
9. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: «Европа», 2009. 336 с.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2000. 387 с.

Об авторе:

Кирсанова Лидия Игнатьевна – д. филос. наук, профессор кафедры философии и юридической психологии ФГБОУ ВО Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41). Научная специализация – социальная философия. E-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru.

WORDS HOLD IN AWE: TERROR AND/OR WAR

L.I. Kirsanova

Vladivostok State University of Economics and Service, Russia, 690014, Vladivostok, Gogolya Street, 41.

Abstract. *The difference between terrorism and war in philosophy is not yet clarified. We suggest the following criteria to define a concept of terrorism and/or war: social places, means of production (weapon), ways of communication and social bodies. Place is not a landscape, but we name it "Arche-" homeland, motherland, which provides war discourse alibi, while terrorism is a nomad field. Everything put into action by force and fire is considered to be means of war and terrorism. Rifle creates a soldier. Available quantity of weapons encourages its usage. Media is a way of legitimization of terroristic discourse: violence is declared as an act of terrorism even when its reason is unknown. But war breaks communication. Terroristic act and its consequences force different social bodies to interact: affected terrorist's body (suicide bomber and others) and even-tempered disciplined social body of European man. Analysis of social bodies' practices shows us rebelling, perverse, affecting bodies as well as bodies full of discipline, obedience, in other words - subjective, sovereign bodies.*

Key words: terrorism, act of terrorism, war, war and terrorism discourse.

References:

1. Bad'ju A. Filosofskie soobrazhenija po povodu neskol'kih nedavnih sobytij [Philosophical reasons concerning several recent events]. Moscow, Zhurnal «Kriticheskaja massa», 2002, №1. <http://magazines.russ.ru/km/2002/1/bad.html> (in Russian).

2. Vanish S. Revoljucionnyj terror i terrorism. Mir v vojne: pobediteli/pobezhdennye [Revolutionary terror and terrorism. The world in war: winners / won]. Moscow: Fond nauchnyh issledovanij. Pragmatika kul'tury, 2003. 203 s. (in Russian).
3. Agamben Dzh. HOMO SACER. Suverennaja vlast' i golaja zhizn' [Sovereign power and naked life]. Moscow: Izd-vo «Evropa», 2011. 256 s. (in Russian).
4. Bart R. Mif segodnja. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [Myth today. Chosen works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 1989. 72–130 s. (in Russian).
5. Delez Zh. Kriticheskaja filosofija Kanta: uchenie o sposobnostjah. Bergsonizm. Spinoza [Critical philosophy of Kant: the doctrine about abilities. Bergsonizm. Spinoza]. Moscow: PJeRSE, 2000, 351 s. (in Russian).
6. Polani Zh. Tarbskie cvety ili terror izjashhnoj slovesnosti [Tarbsky flowers or terror of graceful literature]. Saint-Petersburg, Nauka, 2000, 336 s. (in Russian).
7. Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti [Will to the truth: on that side of knowledge, the power and sexuality]. Per. s franc. Moscow, Kastal', 1996. 446 s. (in Russian).
8. Junger Je. Rabochij. Gospodstvo i geshtal't. Total'naja mobilizacija. O boli [Worker. Domination and Gestalt. Total mobilization. About pain]. Per.s nem. A.V. Mihajlovskogo. Saint-Petersburg. Nauka. 2000. 544 s. (in Russian).
9. Zhizhek S. Kukla i karlik: hristianstvo mezhdju eres'ju i buntom [Doll and dwarf: Christianity between heresy and a revolt]. Moscow: «Evropa», 2009. 336 s. (in Russian).
10. Bodrijjar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolical exchange and death]. Moscow: Dobrosvet, KDU. 2006. 387 s. (in Russian).

About the Author:

Lidiya Ingnatyevna Kirsanova – Dr. of Philosophical Sciences, Professor of Department of Philosophy and Legal Psychology, Vladivostok State University of Economics and Service. Russia, 690014, Vladivostok, Gogolya Street, 41. Scientific specialization – social philosophy. E-mail: kirsanovalidiya@rambler.ru.